

Живет в пос. Кирьят-Арба (Израиль). Визитная карточка участника.

Служба спасения

Просто представьте: колесит по миру машина,
За рулем угрюмый Элиягу-пророк,
Одетый в футболку. Жмет на газ до скрипа резины,
Понимает, что не успеет в срок,
Что многих ему не спасти. И где-то падает "боинг",
Вспарывая беременные дождем облака,
И где-то всю ночь собака у дома воет,
К смерти... И где-то пучится страшно река,
Как зев драконий. А он все надеется. И жмет на газ.
Он пьет из термоса крепкий кофе с корицей
И курит сигареты "Тайм". Он помнит про нас,
Но вот успеет ли? Дорога его змеится,
В тучах, не пересекая курса авиалайнеров,
Идет по болотам под вопли испуганных птиц,
Вливается в шоссе на бедных окраинах,
Парит над блокпостами и шлагбаумами границ.

Он останавливается у ночных киосков,
Покупает "Тайм" - и снова за руль,
Мир катится, словно мяч, непрочный и пестрый
Без всякой защиты от вирусов, бомб и пуль.
Счетчик тикает, отбивая минуты
До очередного маленького Армагеддона,
Спидометр крутится осатанело, как будто
Хочет спасти белый свет от колючей короны
Грозовых небес... В бороде у пророка крошки,
Элиягу курит и ругается по-арамейски.
У него даже нет синей лампочки неотложки,
Он просто спешит параллельно курсу армейских
Грузовиков. Он очень спешит помочь.
На всякий случай шепните службе спасения
"Помни о нас, в ураган, в безлунную ночь,
Накануне бомбежки и землетрясения"...

Луганская сирень

На Советской, напротив Центрального рынка
Перед майскими теплилась кратко сирень
И взрывалась, выплескивалась из кринки
Счастья полного, так, что жизнь набекрень.
Мы бежали в парки, ломали ветки,
Начиняли сиреневой одурью дом.
Бабушки глотали на кухнях таблетки,
Деда стучали костяшками домино.
Родители тащили из магазинов
Синих птиц на бульон и кулечки конфет.
В тучах стояло цветенье, точно у берега тина.
Мы боялись атомной бомбы и пиковой дамы, которой нет,
Которая только во снах, под закладками сказок.
На спинках лавок, над семечной шелухой
Висели ужасы неуловимой заразой,
Ходили ужасы осязаемой толпой.
А сирень цвела, цвела оберегом.
Надували шары, искали пять лепестков,
Сдавали на трояки, ловили летнюю негу
У ближних озер, на Донце, и совсем далеко,
аж в Евпатории. Трамваи звенели,
Над Острой Могилой надрывалась весна,
Весна по Камброду неслась жужжащей метелью
Из ульев. По Оборонной бродила весна.
Начало апреля. Сирень цветет под Хевроном,
На завтра радио прохрипело хамсин,

Качает низкая пальма жесткой короной,
На кончиках листьев призраки, погляди
"Гойдаются" меланхолично. Кусты по Советской,
Заброшенные квартиры, зреющая сирень.
Мы злые взрослые, пережившие детство,
Таскающие с собой его цветочную тень.
Сирень в Луганске.
Сирень в Хевроне.
Сирены, мигалки...
Сирень.

Поют на разных языках

Ноябрь, бьющий ливнем по щекам -
Наотмашь -
Как будто снова темные века
И обступили площадь
Чужие армии. Принюхайся. Вот крысы,
Вот мусор, вот грядущая чума.
Ноябрь - наотмашь. Бешеные лисы
В полях, и скрип крестьянских колымаг
У городских ворот... Но здесь - балконы
И три дорожки в мир от форпоста,
Сияют лилий белые короны
Так нестерпимо,- что душа пуста
От света их, как будто перед Богом.
Сосед бредет, поет на языке
Из штата Мизорам... Тропинкою пологой
Проходит звук, что лодка по реке.
Другой идет, мурлычет по-французски...
Военной базы чахлые огни.
Карабкается вверх дорожкой узкой
И замолкает. Тихо. Оглянись -
И по щекам наотмашь. Вой кошачий,
Чумные пятна, темные века,
И поворот, что приворот ведьмачий,
И голубь дня, слетевший с чердака
И севший на плечо к тебе. Соседи
Поют на языках своих земель
И ты - по-украински, словно бредишь
Про черемшины светлую метель.

